

А

лександр Орлов вошел в литературу стремительно, как метеор. Когда я писал рецензию на его замечательный сборник прозы «Кравотынь», то и не предполагал, что он поэт ничуть не меньший, чем прозаик. Войти в литературу со своей темой и своим голосом, не подражая никому — случай сам по себе редчайший, почти исключительный. Свое мировидение — это главное. Его нельзя позаимствовать или выиграть в лотерею. Его надо выстрадать. И тогда приходят и свои темы, и свой взгляд. Орлову в год опубликования его первой прозаической книги не было и тридцати. Сегодня он выделяется на общем фоне писателей несомненно значительных, а сборники стихов и прозы его заметили и отметили сразу. Написана не одна книга, завоеваны престижные дипломы, даже «Золотой Витязь».

Мощны, дремучи, непрерывны
Господствуют вокруг леса.
Ветра им складывают гимны,
В них слезы прячут небеса.

Луна и солнце в карауле
При столкновении эпох
Туманы сонные раздули,
Храня все то, что создал Бог

С первой книги рассказов, основанной на подлинном материале, он ярко и основательно утверждал истины незыблемые. Истины,

ради которых стоит жить, и умереть. А уж тем более — стоит писать об этом книги.

Поэзия Александра Орлова продолжает традиции его прозы, но афористично, метафорически. Таковы его «Дорогобуж», «Житник», «Жихарь». Его стихотворения сюжетны, порой автобиографичны, но прежде всего — они обобщают пережитое. При всей их сюжетной, смысловой и поэтической самобытности они «типичны» и затрагивают само существо жизни многих и многих читателей.

Сегодня, в наше странное и двуличное время, забыты самые базовые, основные понятия, необходимые для подлинного сбережения истории. Особенно семейной, частной и самой, казалось бы, дорогой. Оспаривается любовь к своей земле, родине, матери, способность к самопожертвованию. Подвергаются сомнению честь и совесть, понятие подвига и добровольной воинской жертвы. Чтобы противостоять этому, нужно иметь довольно-таки твердые убеждения, даже смелость. И тем ярче и громче, живее и значительнее звучат строки поэта.

Как сегодня все молча, неспешно и робко,
Без молитвы семейной, не морщась, едят.
И какая же страшная эта похлебка!
И в окно улетает мой горестный взгляд.
.....
Сам себе приказал: зубы стисни,
Пусть весь мир на мгновенья замрет,
Вздрогнет смерть от сияющей жизни,
Что о всех знает все наперед.
Я ее спрошу все о прошлом,
О непреданных гласу грехах.
Пусть к моим прилипают подошвам
Всех казненных замоленный страх.

Может показаться странным, что теперь в поэзии и прозе несомненно и бесспорно утверждать истины «Евангелия» оказывается небезопасно для творческого пути, для имени. Между тем, подлинная поэзия живет. «И дышит почва и судьба» по своим, никому не ведомым правилам и законам. Увидеть и понять может это только, по словам Ивана Ильина, «поющее сердце».

Смиренная вода немых озер,
Читал я «Отче наш...», сжимая четки,
И ощущал твой вековой надзор
Над звездами в небесном околотке.
И слышалось мне пение уключин
И тихий шепот каждого гребка,
Я был с тобой, Смоленщина, созвучен,
Ты для меня близка и далека.
Я шел во тьме на смоляной долбленке
На берег дальний, где среди купав
Уснуло время, позабыв о гонке,
Неравный ход событий задержав.
И радовался я проплывшей рыбе,
Тому, что впереди родная твердь,
И берегу свиданий в недосыпе...

Талант противостояния и самостояния, твердыня духа ныне дорогого стоят. Можно говорить о мастеровитости поэта, умении подать материал, но, пожалуй, самое главное в его творчестве — то, что Достоевский называл «всезвучивостью русской души»:

Не жил я в эпоху насильных коммун,
В курганах не взрыл артефакта,
Но слышал, как сладко поет гамаюн
В чащобе Смоленского тракта.
И в пенье дремотном, красив и блажен,
Явился мне край вечной смолы,
Где люди не терпят лукавых измен
И лечат в молитвах мозоли,
Где с детства мой дед выходил на покос,
Отца ждал у графского сада,
И первой щетиной в отряде оброс,
Кровь немцев смывая с приклада.
Откуда ушел, ничего не забыв,
Ушел навсегда поневоле,
Скрывая на сердце болящий нарыв
С подсушенным привкусом соли.

Творчество — и это понимаешь лишь с годами — не всегда риск, и не всегда вызов огня на себя. Многие авторы (и не без таланта) благополучно отсиделись в окопах и не раз были отмечены за свое потворство фиглярам либерального духа. Мы отчетливо видим этот липкий туман соглашательства вот уже четверть века. И кажется порой, что наше время затеряно навсегда в этом желтом и сыром тумане секуляризма и релятивизма, но это только видимость. Мы обложены некими пределами, писатели-почвенники и поэты, печальники о земле своей и воины. Мы рассеяны по мировым просторам литературы, и острó, и опасно ходим, понимая, что коварная и ножевая армированная колючая лента стережет нас — спираль Бруно или Егоза-Кайман. Едва зазеваешься, споткнешься — и очнешься искалеченным, оболганным, забытым, и никто не вспомнит ни твоей отваги в прошлом, ни твоих заслуг.

Время нынешнее — весьма противоречивое, его придется переосмысливать и переоценивать еще очень долго, даже и после того, как оно минует. Но даже и в этих условиях Орлов собирает своих единомышленников, лечит раны и неверие своим творчеством, убеждением и своей верой. А это уже не просто черта воина и витязя, это главная черта командира и офицера. Вера в Бога и «умение держать спинку» прямо — подлинно черта аристократов духа. Где? Да вот здесь же, на этой тертой в войнах, на политой кровью земле:

Где в года мировых пятилеток,
Не подвластный безбожным властям,
Проезжал мой расстрелянный предок
По дорогам из кочек и ям,
Где округа извечно смолиста,
Где все жили во имя труда,
Где встречали с войны гармониста
Божий крест и победы звезда.

А пока мы явственно чувствуем границу обложенного минами поля русской литературы. И всегда возвращаемся родовой памятью к дорогому, светлому, честному и простому, оболганному русскому. Смоленскому полю и Ржевскому, иногда — с незахороненными до сих пор останками воинов. Именно туда зовет и ведет нас все творчество Орлова. Хоть и жизнь, и история наша непроста, трагична и кровава.

Фуражка конвоира сбилась набок,
И прадед вдруг задел ногой ведро,
И защемило чуткое нутро,
И раскатились три десятка яблок.

И были скороспелые плоды
Так зелены, коричневые, пунцовые,
В семье к аресту были не готовы,
Но прадеда шаги всегда тверды.
Скрипя, прощались прочные ступени,
И свет из дома плыл ему в лицо,
И падали под ноги на крыльцо
Три строгие, подтянутые тени.
Дела велись по-пролетарски бойко,
Был оглашен бесчинный приговор.
Он был, как ветер, холоден и скор.
Решала в полутьме чекистов тройка.
И высшая ему досталась мера,
И меток был комбедовский стрелок,
Когда нажал на спусковой крючок,
И засмердело дуло револьвера.
А сколько было на Руси таких,
Которых до рожденья звали «барин»,
И каждый был хранителем окраин,
И оставался в памяти живых.
Где он лежит? На дне какого рва?
Как успокоить родовую совесть?
Поэму написать мне или повесть?
Ведь память моя русская жива.

И все же, перефразируя Пушкина, повторяем мы снова и снова строки из письма его к Чаадаеву: «...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

Сборник стихотворений Александра Орлова «Епифань»¹ не то что напоминает, а шепчет, говорит, порою кричит нам об этом. Убеждения автора не просто продекларированы, исток их — в родовой памяти, потому поэт по-иному никак, никогда и не смог бы сказать. Непередаваемы были бы ни эта боль за родную Смоленщину, ни трепетное отношение к земле, к вере отцов, ни боль за веру Православную, на которую при всей кажущейся свободе сегодня — век гонений. Век призывов к сдаче, подлогам и трусости, век вербовки в строй безнравственных отказников, «самострелов» и дезертиров. И при том — не бедствующих, не стыдящихся и не таящихся, а напротив даже, — благоденствующих в этом своем вызове традициям и выстраданной отечественной истории.

Не могу представить себе автора не как воина, всегда готового к бою за родную Смоленщину, за храм, что сверкает золотыми куполами в его родовом гнезде... И при всем при том — какая бережливость к детали. Словесная партия его удивительно широка. И хотя в регистре используемых звуков и образов поэт намеренно осторожен и избирателен, он умеет добиться и добивается результатов поразительных.

Мне хлестали дожди правду жизни не раз
Сквозь туманы, чей запах был горек,
Но не верил я в неба унылый показ,
Шел на свет, как за правдой историк.
И слезливые тайны некошенных трав,
Что изрезаны вдоль редколесьем,
Мне шептали о том, что искатель был прав
И что все мы с рождения грезим.

¹ Александр Орлов. Епифань. — Москва, Издательский центр «Азбуковник», 2018.

И я шел напролом по неровностям луж,
Не терпел сам к себе оговорок,
И меня осуждала пытливая глушь
Под присмотром волков и тетерок.
И когда в захолустье я сделал привал,
Мне открылись холодные звезды.
И одну я всю ночь напролет согревал,
И воспели любовь алконосты.

Среди небывалого разгула безыдейности и беспринципности в культуре, поругании самих основ русского самоопределения, когда читатель так запутан, что жизнь кажется совершенно бессмысленной, — книга «Епифань» бесценна. Благородство и преданность родной земле, любовь к матери и к отцу автор умеет так оттенить и возвысить, что они предстают как само собой разумеющееся, врожденное качество человека. А предательство воспринимается читателем его книг как поступок темный. Уясняешь и понимаешь это не сразу. Поэт лечит читателя, отогревает замерзшие сердца.

Летний дождик подобен прилепе,
Я ему все поставлю в вину,
Он зовет вслед за ним в лесостепи.
Как поверить ему, болтуну?
Разделить с ним священные яви,
Доверять ему звездные сны
И молиться в столетней дубраве,
Где слова преподобных слышны?
Что он может? Он краток и мелок,
И в слезах его мой дождевик,
И в грушовой тиши скороспелок
Он к траве, не прощаясь, приник.

Что бы ни рассказывали нам филологические толмачи о «чистой», безыдейной литературе или о лирическом герое, никак будто бы не связанном с автором, — все это, конечно, надуманно. Как преподаватель истории и гражданин своей страны Александр Орлов, судя по его стихотворениям и прозе, понимает, что, перефразируя известное: если ты не займешься своей историей и ее изучением, начиная с себя, с семьи, то твоей историей и твоей семьей займется кто-то другой — и отнюдь не из добрых побуждений.

Стихи его пронзительны и очаровывают особой внутренней музыкой — поэтической и смысловой. Она трагична и правдива потому уже, что истоки ее — в семейных преданиях, в том, что было пережито дедом, отцом, матерью, бабушкой-«раскулачкой», оставленной на верную голодную смерть с малыми детьми... Поэт весь родом из непридуманного, честен и прям перед читателем. А это самое важное и дорогое в литературе.

Читая книгу «Епифань», мы причастны настоящему Творчеству. И в том — главное ее отличие от ширпотреба, которым сегодня завалены лотки книжных киосков.

